

РАДУГА ДЛЯ ДРУГА

*приключения
необыкновенной собаки*

**Книга-
сенсация!**

Михаил Самарский

Михаил Самарский

Радуга для друга

«ЭКСМО»

2012

Самарский М. А.

Радуга для друга / М. А. Самарский — «Эксмо»,
2012 — (Приключения необыкновенной собаки)

ISBN 978-5-457-07694-5

Сашка – новый подопечный лабрадора Трисона. Да-да, подопечный, именно так пес называет людей, которым помогает. А помощь Сашке нужна: он потерял зрение в автокатастрофе, и теперь собака-поводырь стала его лучшим другом. Благодаря искренней любви этой умной и преданной собаки мальчик смог снова радоваться жизни. Однако приобретенный в специальной школе навык – не нападать на людей – сыграл с псом злую шутку... Его похитили! Но верный друг не будет сидеть сложа лапы, он будет бороться, потому что нужен Сашке! Трисон должен вернуться к нему!

ISBN 978-5-457-07694-5

© Самарский М. А., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Самарский

Радуга для друга

Часть первая

Дорога к дому

*Посвящаю тем,
у кого мертвые глаза,
но живые сердца.*

Лучшее, что есть у человека, – это собака.
Т. Шарле

Глава 1

Как собак нерезаных... Очень остроумно. Ни сесть, ни встать. Ай да молодцы. Ай да люди. Интересно, что бы вы сказали, если бы мы ввели в свою собачью речь подобный фразеологизм, но вывернутый наизнанку? Вот представьте такую ситуацию: приезжаю я домой с выставки, а соседский пес у меня спрашивает: «Как успехи, дорогой? Много ли участвовало собак?» А я ему отвечаю: «Да как людей нестреляных...» Ну и как вам выраженьице? Не думаю, что кому-то понравится. Вот так же и нам, дорогие наши двуногие друзья. Как тут не согласишься, что собака – это наглядный пример человеческой неблагодарности.

Да ладно уж, я в общем-то о другом. Смотрите, что происходит: хватают меня за уши, треплют за шею, суют в морду... Можно я буду говорить «лицо»? Ну так вот, суют в лицо всякую гадость... Впрочем, не буду кривить душой. Не гадость, далеко не гадость! Суют зачастую такую вкуснятину, что слюной можно поперхнуться. Однажды я чуть было не сорвался.

Стоим еще с моим первым подопечным Иваном Савельевичем (царство ему небесное) перед пешеходным переходом, ждем, когда загорится зеленый свет. Моя задача: проследить, чтобы все машины остановились. Да не просто остановились, а в положенном месте. Вы думаете, зря для вас, людей, рисуют полосы перед светофором? Пользуясь случаем, прошу вас: товарищи водители, не заезжайте за эту полосу. Зрячему человеку проще, он обогнул капот автомобиля и пошел дальше. А мой подопечный не сразу может и понять, что я от него хочу, – вроде же пошли по переходу, а тут поводырть тянет человека в сторону. Понимаете? Сказать-то я не могу, начинаю скулить, тянуть поводок, даже иногда гавкнуть приходится. Подопечный мой теряется, останавливается, чтобы сообразить, что это я вдруг такое вытворяю, тросточкой стук-стук-стук. Некоторые водители едва через окно не выскакивают, орут: машину поцарапал, гад! А какой же он гад? Ему же нужно как-то определиться, что перед ним. Тут рукой не пощупаешь – можно такое нащупать, что и без руки останешься.

В общем, пока разберется, тут светофор уже моргает, машины начинают поревывать (к старту готовятся). Когда нетерпеливые водители давят на газ, это еще полбеда. А есть такие идиоты, что еще и сигналить начинают, дескать, давай-давай, слепошарый, проходи скорее. Или мне свистят, чмокают, типа подбадривают. Если бы вы знали, люди, как я в такие моменты вас недолюбиваю. Иногда смотришь на вас и думаешь: да как же вам не стыдно-то? Ведь такая беда может со всяким случиться. Неужели, выиграв пару секунд на этом проклятом светофоре, вы получите удовольствие? Очень вас прошу, люди: увидев слепого с

поводырем (ну, с таким, как я), ведите себя как можно спокойнее и тише, не отвлекайте нас с человеком, не доводите до беды. Договорились?

Ну так вот, стоим перед «зеброй», и тут я правой ноздрей чую умопомрачительный запах. Запах, знакомый до боли в желудке, – я уже слышал его, когда проходили мимо киоска с надписью «Куры гриль. Шаурма». Стараясь не отвлекаться от дороги, кошу глазом и вижу такой смачный кусок курочки, поджаристый, золотистый, ароматный... До сих пор не знаю, как я в тот момент сдержался и не схватил этот деликатес. Все-таки школа для собак многое значит.

Спасибо, конечно, вам за добро, за ласку, за желание угостить, но, люди, я же на работе! Понимаете? Я – не та изнеженная болонка или пуделек, которые беззаботно гуляют со своими хозяевами, от скуки побрызгивая на столбики. Я работаю. Серьезно говорю: я не просто иду со слепым человеком, я тружусь. И поверьте, работа у меня не такая уж и легкая. Моя задача довести подопечного туда, куда он запланировал, и чтобы он во время пути не разбил себе голову, не споткнулся, не упал, в конце концов, не промочил в луже ноги. Я обязан предупредить обо всех преградах, должен всегда успеть остановиться перед любым препятствием и дать возможность человеку проверить тростью, что перед ним. Если преграда перекрывает часть дороги, я отклоняюсь вправо или влево и обвожу подопечного, при этом еще наблюдаю, чтобы он не прошел под низко склонившимися ветками или еще какой другой штуковиной на уровне его роста. В мою задачу также входит, чтобы подопечный не столкнулся с другими людьми. Если мы передвигаемся на автобусе или трамвае, я указываю вход, а потом – выход. В общем, забот хватает.

Вы хоть представляете, что это такое – работать поводырем? Если вы скажете «да», не обижайтесь, я укушу вас. Не надо быть таким самонадеянным и скоропалительным. Не говорите сразу «да». Чтобы представить и понять мою работу, нужно самому со шлейкой на спине пару лет походить за этими беспомощными «хозяевами». Вы заметили, что я слово «хозяева» беру в кавычки?

Да, некоторые считают себя нашими хозяевами, хотя сами без нас и шага не могут ступить. Вот захочу я (между прочим, породистый лабрадор, даже говорят, родственник собаки одного известного политика), чтобы мой так называемый хозяин расшиб лоб о стену или, допустим, врезался в какой-нибудь столб, да мне это как на куст... пос-с-с-мотреть. Но я же профи, спец, меня в специальной школе обучали два года, а это по-вашему примерно лет десять. Вы за это время успеваете два высших образования получить. Конечно, я не позволю такой гнусности – подставить своего подопечного. Моя задача: уберечь его от всех этих недоразумений. Но обидно, когда говорят: твой хозяин. Те, кого я сопровождаю, не хозяева мне. Это мои друзья. И поверьте, даже из вас, людей, у них никогда не будет друга преданнее и беззаветнее, чем я. Вы можете скривиться, усмехнуться, закатить глаза, даже пнуть меня туфлей, но от этого ничего не изменится. Вы сами придумали поговорку «Хорошо, когда собака – друг человека, но плохо, когда друг – собака». Придумали, но не подумали, хотя бог наградил вас разумом и способностью размышлять. Что же плохого в том, что ваш друг собака? Да ладно... Я же понимаю, что вы имели в виду. Потому и не обижаюсь.

В общем, если вам интересна эта история, я продолжу. Мне уже пять лет. По человеческим меркам я в два раза старше своего подопечного (Сашке сейчас тринадцать человеческих лет). А раньше я работал у слепого пенсионера. Иван Савельевич был замечательным человеком и моим другом. Он даже мне иногда разрешал на своей кровати поваляться. Придем домой, Иван Савельевич снимет с меня все эти поводырские прибаамбасы, покормит, расчесет и говорит:

– Давай, Трисон, расслабляйся.

Вы думаете, мне легко ходить с этой шлейкой? Вечером, когда я от нее избавляюсь, так хочется на спинке поваляться, лапы задрать к потолку, вытянуться во весь рост, потом

попрыгать, мячик погонять. Иван Савельевич никогда меня не ругал, даже в тот злополучный вечер, когда я разбил вазу. Понимал старик, что не нарочно. Мне было стыдно. Прижался к его ноге и потихонечку скулю. Иван Савельевич гладит меня и говорит:

– Не плачь, Трисон, бог с ней, с этой посудинкой. Посуда бьется – жди удач.

Я до сих пор так и не понял, какая удача может быть от разбитой вазы? Пока не слышал, чтобы по телевизору об этом рассказывали. В общем, умер мой Иван Савельевич. Он умер, а меня вернули в школу. Как я по нему скучал. Кусок в горло не лез. Все думал, кому же меня теперь отдадут...

Не знаю, какими путями, какими судьбами, но как-то в нашу школу приехал Сашка, нынешний мой хоз... подопечный.

Если вы зрячий и никогда не сталкивались с проблемами слепых людей, то поясню нарочно для вас. Прежде чем нас (собак-поводырей) передать новому хо... (тьфу, черт, надо же, как внушили своими дрессировками) подопечному, мы должны провести какое-то время вместе. То есть привыкнуть друг к дружке, принюхаться, приглядеться. Хотя кто будет ко мне приглядываться, если они все слепые? Это я должен приглядеться. А они только прислушиваются, принюхиваются, ну и еще прищупываются. На всякий случай, чтобы аллергии не было какой-нибудь или еще какой гадости. У людей много всяких заскоков. Это мы неприхотливые.

Хотя случается, что и мы тоже взбрыкиваем. Да-да. Наша овчарка Лада из седьмого вольера так и не смогла найти общий язык со своей новой подопечной. Женщина вернула собаку обратно в школу. Кстати, отличная школа поводырей. Так что, если понадобится, обращайтесь. Меня, конечно, там уже нет, но мои друзья и подруги вас, поверьте, не подведут. Вы знаете, как нас там проверяют? О-го-го! Тесты всякие, испытания...

Иными словами, кого попало туда не берут. Мы – студенты этого университета – все обладаем уравновешенной психикой, не обращаем (во всяком случае, стараемся изо всех сил) внимания на посторонние шумы, совершенно не замечаем этих отвратительных котиков и кошек. Нет, мы-то их, конечно, замечаем (как можно не заметить?), но я имею в виду – не обращаем на них внимания. Опять неправильно. И внимание мы на них обращаем. Но мы не имеем права на них реагировать, чем эти зеленоглазые твари часто пользуются. Серьезно.

Вот вам недавний случай. Завожу я своего Сашку в подъезд (там много ступенек, и нужно быть крайне осторожным), в этот момент из двери выходит краля персидских кровей (или шерстей, кому как угодно), вся такая пафосная, с идиотским розовым бантом на шее, коготочки пострижены, хвостик надушен, ушки – словно маленькие локаторы (верть-верть в разные стороны). Вот клянусь вам собачьей честью, у меня и в мыслях не было на нее рычать, тем более гавкать. А эта белобрысая дура как фыркнет, как хвост свой распушит, как спину выгнет, и – хрясь! – меня лапой по мор... по лицу. Если бы вы знали, как мне было обидно. Да если бы не мой Шурик, если бы не мой профессионализм и не моя ответственность, я бы этой истеричке одним щелчком хвост перекусил. Честное слово, от обиды чуть не заплакал. Пришлось немного вскульнуть – эта доморощенная «баронесса», несмотря на остриженные когти, все-таки умудрилась поцарапать мне нос. Слизнул я солоноватую каплю крови и повел Саню домой. А что делать? Нельзя мне на этих дурочек отвлекаться...

Сашка до моего прихода в дом жил с мамой и бабушкой. Папа у них погиб в автокатастрофе. Оказывается, в тот роковой день в машине вместе с отцом ехал и Шурик. Ему тогда было одиннадцать лет. Врачи вынесли приговор: радужка и хрусталик безвозвратно потеряны. Я мало чего понимаю во всех этих тонкостях, но после этой трагедии пацан перестал видеть. В семье поговаривают, что есть какой-то знаменитый доктор, который может вернуть Сашке зрение, но когда это произойдет – никому не известно. А пока я – его и доктор, и глаза, и друг.

Глава 2

С Санькой мы быстро нашли общий язык. Хотя сначала я на него обижался. Чуть-чуть, совсем немножко. Сами посудите. Как вы уже поняли, меня зовут Трисон. Когда мы в школе вместе с ним дрессировались, он так меня и называл. Все было нормально. Сашка успешно сдал экзамен. А чему удивляться? Со мной любой новичок сдаст экзамен. Я же не только выполняю команды подопечного, частенько приходится и инициативу проявлять. Уместную, конечно. В пределах разумного.

В общем, все прошло гладко. Приезжаем домой (с нами еще в дороге была Сашкина мама), тут бабушка, Елизавета Максимовна. Она тоже встретила нас приветливо. Имя ее я, кстати, узнал совершенно случайно – сосед приходил и так называл бабулю. Да, кстати, дома ее почему-то все называют бабулей. Я заметил, у людей есть такие странности. Сашка, понятное дело, называет ее так, но и Светлана Сергеевна туда же. Я вот и думаю, какая же она тебе бабуля, если это твоя мама? Вас, людей, иногда сложно понять. Ну да ладно, это неважно.

Так вот, я – Трисон. Вы хоть знаете, что это за имя? О-о! Это вам не Тузик какой-нибудь пятнистый и не Рекс косолапый. Иван Савельевич мне подробно рассказывал о моем имени. Мало того что я и сам породистый пес, так вдобавок ко всему и имя у меня не простое. Так звали когда-то тибетского царя. Трисон Дэцэн, который много-много лет назад пришел к выводу, что просветление может быть достигнуто только в результате морального и духовного совершенствования под руководством мастера. Без всякого бахвальства заявляю: мастер у меня в школе был безупречным. Вы поняли, к чему я клоню? Нешуточное дело – просветленный лабрадор!

И вдруг ни с того ни с сего Санек начал называть меня Тришей. Я сначала даже не понял, к кому это он обращается. Проснулся рано утром и шарит рукой возле кровати, меня ищет. Но я же не дурак – под ногами лежать. Я разместился у торца кровати, чтобы случайно Сашка на меня ночью не наступил. Я привстал, авкнул тихонько, давая понять, что я здесь. Слышу, а он говорит:

– Три... Триша, ты где? Подойди ко мне, пожалуйста.

Я сижу и думаю, может, игрушку какую ищет? Поглядел по сторонам, ничего похожего на Тришу не вижу. Медведь плюшевый сидит в углу. Так Сашка сам вчера рассказывал, что его Топтыгиным зовут. Где этот чертов Триша? Ничего понять не могу. Сашка посидел-посидел на краешке постели и говорит:

– Трисон!

Это уже меня. Подбегаю к нему, тыкаюсь носом в коленки. Он гладит меня и снова говорит:

– Тришенька, миленький, ну как тебе спалось на новом месте?

Вон оно что, опешил я, оказывается, Сашка меня Тришей называет. Вот это номер! Какой же я, к черту, Триша тебе? Ты что, Санек? Но самое обидное, что я могу поделать? Вот как назвал меня Тришей, так с тех пор я и хожу в этих Тришах. Вслед за Санькой и Светлана Сергеевна, и Елизавета Максимовна кличут меня теперь только Тришей. Сначала я места себе не находил. Как скажут «Триша», у меня аж шерсть дыбом вставала, такое имя потерять. Был царем, стал какой-то плюшевой собакой.

Вы бы видели меня. Я не просто палевый пес, не просто желтый, а, можно сказать, золотой. Не верите? Внимательно посмотрите на меня в яркий солнечный день, особенно после того, как я выхожу из душа. Такой красоты вы ни у одной собаки не найдете. Вы лопнули бы от гордости, если бы у вас была такая родословная, как у меня. Моими предками являются собаки викингов и басков, которые обитали на острове Ньюфаундленд. До

XVIII века европейцы в глаза не видели никаких лабрадоров. Мы, между прочим, по мнению мореплавателей, всегда считались и считаемся до сих пор залогом счастливого плавания. И если вы думаете, что это заурядное суеверие, то глубоко заблуждаетесь. Мои предки всегда помогали людям. Если корабль терпел крушение, лабрадоры вытягивали на берег канат, по которому перебирались все люди. А нерасторопных моряков мои предки просто перевозили на себе на сушу.

Отправляясь в плавание, ньюфаундлендские моряки всегда брали с собой пару собак. Моей породы, конечно. И какие были имена! Волна и Прибой! Вы хоть понимаете, что это значит? Волна. Прибой. А тут какой-то занюханный Тришка. Как же обидно, ну как же обидно. Хотя я уже давно смирился. Черт с вами, называйте как хотите.

Однажды какой-то знакомый старичок Ивана Савельевича неправильно назвал его по батюшке: то ли Савичем, то ли Степановичем. Я бы подсказал старику, да сами понимаете... Но смотрю, Иван Савельевич и ухом не ведет. А тот все называет и называет. И вдруг сам знакомый опомнился. Как запричитает:

– Ой, Иван Савельевич, прости, дорогой, – хлоп себя по лбу, – совсем память отшибло.

– Да ничего-ничего, Тимофей Иваныч, – говорит мой подопечный, – какая уж нам теперь разница. Хоть горшком называй, только в печь не сажай.

Вспомнил я своего старинного друга и перестал на Сашку обижаться. Тришка так Тришка. Хоть горшком называйте...

Если вам интересно, поясню вкратце, откуда появилось название нашей породы. Иван Савельевич рассказывал, что на сегодняшний день существует три версии. Первая: название произошло от острова Лабрадор, который находился недалеко от нашей прародины. Вторая (мне эта больше всех нравится): от португальского слова «Labrador», что переводится как «труженик». Третья версия какая-то несуразная, но раз уж решил рассказать, то озвучу и ее: есть такой минерал черного цвета с синеватым отливом, так и называется «лабрадор». Почему мне не нравится эта версия? Потому что только мои предки имели черный окрас. А сейчас среди моих собратьев есть и палевые, как я, и даже шоколадные лабрадоры. Нет, никаких минералов, островов. Конечно, наша порода произошла от португальского слова. Труженик – он и в Африке труженик, как говорит мой Сашка.

В России мы стали появляться только в конце 1960-х годов. Иван Савельевич как-то рассказывал кому-то из гостей, что американский президент Картер подарил лабрадора Брежневу, а канадский писатель Моуэт – Косыгину. Были такие государственные деятели в СССР. Первое время мы жили только в Москве и Риге. А сейчас моих собратьев можно встретить в любом регионе. Сам я родился в России. И хотя в США и Англии лабрадоры являются одной из самых популярных пород, я хочу жить на родине, здесь трудиться, здесь помогать людям. Вы поняли, что мы испокон веков помогаем вам? Наша порода умеет ладить с людьми. Поверьте, мы очень сообразительные и имеем мирный нрав. Самые главные наши качества – это доброжелательность и стремление помочь человеку. Хотя, если вы дочитаете эту историю до конца, поймете, что иногда приходится и отступать от своих качеств. Но, как говорится, у каждого правила есть свои исключения. Впрочем, если бы не было людей, о которых я расскажу вам чуть позже, нам бы эти исключения не понадобились. Честное собачье слово. Честное слово Лабрадора!

Глава 3

Слышал, как наша мама говорила с бабулей.

– Сашка даже повеселел, оживился, – говорит мама. – С собакой ему будет полегче.

– Да, главное, чтобы Шурку не обидел, – отвечает бабушка. – Все-таки собака – это зверь.

У меня от таких слов аж уши приподнялись.

Нет, ну надо же такое ляпнуть? «Чтобы не обидел. Зверь». Тоже мне, нашла зверя. Волк я, что ли, тебе дикий или кабан раненый. Хоть бы думала, что говоришь. А еще Иван Савельевич утверждал, что старики мудрые. Услышал бы он твои слова, бабушка Лиза. Эх, не был бы я поводырем, непременно сварганил бы тебе какую-нибудь пакость, Елизавета Максимовна. Все-таки не зря говорил мой бывший подопечный, что у собак лишь один недостаток – они верят людям. Мы-то верим, а вот вы не доверяете нам. Не все, конечно, но вот находятся такие бабульки. Хорошо, хоть Светлана Сергеевна тут же заступилась за меня.

– Ты что, мама, – усмехается, – эти собаки очень миролюбивые, доброжелательные. Это же не дворняга какая-то. Обученная собака.

Спасибо тебе, Светлана Сергеевна, хоть ты понимаешь, кто я такой. Хорошая у Сашки мама.

– Ну, ладно, – говорит бабулька, – поживем – увидим.

Конечно, увидите. Потом еще ревновать будете. Сашка все равно больше всех будет любить меня. Вы бы видели, как Иван Савельевич надо мной плакал, когда я чуть было под электричку не угодил. Как вспомню тот случай, у меня мурашки по телу начинают бегать, словно блох нахватался.

Вы представляете, поехали мы с моим стариком к его другу в Салтыковку. Электричка – самый удобный транспорт в этом случае. Кстати, если проехать по этой ветке еще несколько остановок в сторону области, там находится моя школа. Приехали, посидели с таким же дедком, правда, он зрячий, ну и домой. Даже не знаю, как нам, собакам, после этого происшествия относиться к людям, но я не злопамятный. Конечно, все равно от своей профессии не откажусь. В общем, стоим мы на перроне, народу как на стадионе, и каждый словно приготовился стометровку бежать. Подходит электричка, толпа как ринется к дверям, я думал, они нас раздавят. А Иван Савельевич растерялся, ничего не поймет в этой толпе, а меня и след простыл. Только не подумайте, что я испугался и куда-то рванул от этого человеческого стада. Нет, просто меня толкнули с платформы, и я оказался между вагоном и перроном. Вишу на поводке и думаю: бедный ты мой Иван Савельевич, вот и конец мой настал, как же ты, мой родной человек, без меня домой поедешь, как же ты с вокзала до квартиры будешь добираться?

Я, между прочим, всегда веду своего подопечного к первому вагону, чтобы поближе быть к машинисту. Вдруг какая заварушка, хоть поезд не рванет галопом по Европам (это так Иван Савельевич любил мне говорить, когда я начинал торопиться). Слышу, кричит мой старик машинисту, чтобы электричка не тронулась, и тянет меня вверх. Вы хоть знаете, сколько я вешу? Это вам не карася из речки вытаскивать. Кстати, напомните, я потом расскажу, как мы с Иваном Савельевичем рыбачили. Тянет меня старик, а сам кряхтит – силенок-то уже маловато. Хорошо, какой-то прохожий помог ему. Меня же вытаскивать было то же самое, что душить. Вытянули меня, а я света белого не вижу. Все в глазах помутнело, и я отключился.

Очнулся, чувствую, что-то капает мне на нос, открываю глаза, смотрю, Иван Савельевич сидит и плачет надо мной, а рядом какая-то маленькая девочка стоит, совсем крошечная, и что-то лопочет. Я ничего не слышу, только вижу, как она губами шевелит и пальчиком в

носу ковыряется. Тут вслед за зрением появляется и мой слух. Слышу, девочка спрашивает: дедушка, почему вы плачете, у вас собачка умерла? А Иван Савельевич как зарыдает, словно и впрямь уже хоронит меня. Нагнулся еще ниже и целует меня, гладит. А я, вот честное слово, первые мгновения после воскресения не могу даже лапой пошевелить, видимо, здорово меня придушило.

Наконец-то стал отходить, собрался с силами и – лизь! – своего спасителя в лицо, он аж подпрыгнул. Так смешно у него получилось. Представьте прыгающего человека на корточках – вылитый индюк. Когда до Ивана Савельевича дошло, что я жив, он как вскочит и давай меня на руки поднимать, от радости чуть не уронил. Да куда ж ты, Иван Савельевич, такую тушу поднимаешь. А он все-таки взял меня на руки (и откуда только силы взялись?), уткнул лицо мне в живот и спрашивает: ты жив, Трисончик, жив? А что я отвечу? Пришлось гавкнуть. Услышав мое первое слово, он чуть ли не пританцовывать со мной на руках начал. Да поставь ты меня на место, думаю, еще не хватало, чтобы ты сам свалился с этого дурацкого перрона. Как я тебя потом буду вытаскивать? Чтобы подбодрить расхолодившегося весельчака, я запел: у-у-о-у-о-у-о! Услышал Иван Савельевич мою песню и понял, что пора спускать меня на землю. Посидели мы с ним прямо на перроне минут десять, я полностью оклемался, держая поводок, мол, пошли, хватит расслаживаться. Домой добрались благополучно, если не считать случая в аптеке.

Вы же понимаете, после такого происшествия и самый здоровый человек в аптеку побежит. Иван Савельевич командует, дескать, веди в аптеку. Этот маршрут мне очень хорошо знаком. Не считите меня за хвастуна, но я знаю более тридцати маршрутов в нашем микрорайоне. Аптека так аптека. Мне какая разница, куда скажут, туда и веду. Приходим. Только вошли, какая-то пышногрудая женщина как завизжит:

– Куда вы с собакой претесь? Здесь же медицинское учреждение!

Миллион раз мы с Савельевичем заходили в это учреждение, и никогда не возникало никаких недоразумений. А тут смотрю на эту толстушку, впервые вижу.

– Нам можно, – спокойно отвечает Иван Савельевич и направляется к окошку.

Эта беспокойная дама (не по весу прыткая оказалась) преграждает нам путь, я еле успел между ней и стариком втиснуться. Это же моя первейшая обязанность. Иван Савельевич остановился в недоумении. Он-то знает, что тут не должно быть никаких преград. Ну и тросточкой своей проверяет, что нам помешало. А женщина снова шумит:

– Ну, куда вы своей палкой тычете? Я же сказала, с собакой сюда нельзя. Немедленно выведите ее на улицу.

И стоит, как памятник. Брови насупила, губу выпятила, подбоченилась, глаза как у лягушки, морда красная. Такое впечатление, что мы не за лекарством сюда пришли, а ограбить ее. Откуда у людей столько ненависти? Я, когда между ними стал, прямо спиной почувствовал, что от нее какие-то волны исходят. Ну, те, которых собаки пугаются. Есть такой специальный приборчик для отпугивания бродячих собак. Человек кнопочку на этом приборчике нажимает, а для собаки это как поленом промеж ушей. Некоторые инструкторы такие приборы используют во время дрессировки своих питомцев. Сволочи. Я таким «воспитателям» руки бы откусывал. К чему я это говорю? Вот эта махина-аптекарьша превратилась в тот прибор. Представляете, каково мне в тот момент было? Стою, а над головой бревно воображаемое и по темечку меня: тюк-тюк-тюк! А вы говорите: смотрите-смотрите, слепой с собакой гуляет. Скорее вы в своих офисах гуляете, чем мы с Иваном Савельевичем. Мы каждый день с ним из квартиры, как на фронт, уходим.

– Уважаемая, – говорит Иван Савельевич, – вы, видимо, здесь новенькая?

– Какая разница, – пыхтит аптекарьша-прибор, – новенькая ли, старенькая ли, вам ясно сказано, что с животными в аптеку вход запрещен. У нас инструкция.

– Почитайте свою инструкцию, – говорит Иван Савельевич все еще спокойно, но чую, голос уже стал меняться. Дура, думаю, лучше отойди, сейчас тебе мой старик такую инструкцию прочитает, что ты до утра будешь с ней разбираться.

Кстати, если бы эта настырная аптекарша хотя бы раз услышала, какие слова мой подопечный знает, она бы так не рисковала. Серьезно. Иван Савельевич мирный мужик, но, если его довести, можно такое услышать: ой-ой-ой. Я таких слов даже в школе не слышал, хотя инструкторы при нас разговаривали, не стеснялись.

И тут случилось чудо. Появляется вторая женщина, наша старая знакомая.

– О! Трисон! – говорит мне радостно. – Проходи-проходи. – И, обращаясь к коллеге, добавляет: – Тамара, пропусти их...

– Так вы же сами говорили, Полина Семеновна...

– Тамара, с собакой-поводырем можно входить в любое заведение, в том числе и в аптеку.

День тот завершился хорошо, можно даже сказать, отлично. Вечером Иван Савельевич откупорил для меня банку с куриной тушенкой (хотя это мое праздничное блюдо), поздравил меня почему-то с днем рождения, и мы вместе ужинали. Пару раз старик ронял вилку на пол, но я начеку – тут же подавал ее обратно.

Вообще старик мой был ужасной растеряхой. То трость у него из рук выскользнет, то очки уронит, то ключи потеряет. С громыхучими предметами проще – их не прозеваешь. А вот с перчатками беда. Пока я за машиной или пешеходом наблюдаю, мой растяпа перчатки уронит. Как жалко, что я не умею говорить. Ему бы к этим перчаткам что-нибудь пришить (колокольчик, к примеру), чтобы, когда падали на землю, я слышал. А в последний год еще одна вещь падучая прибавилась – мобильник. Хорошо хоть, люди добрые подсказали, трубку в специальный чехольчик засунули. Его и снимать не нужно, прямо через прозрачную пленку можно номер набирать. Смешно было наблюдать, как Иван Савельевич набирал номер. Остановится посреди тротуара, голову задерет вверх, словно на небо смотрит, рот раскроет (я первый раз, когда увидел, думал, сейчас запоеет) и тычет пальцами в кнопки. Иногда случалось, приложит трубку к уху и вдруг резко отрывает, снова на кнопки начинает давить. Думаю, прикалывается, что ли? Я уже потом понял: номером ошибется и перенабирает.

Однажды говорит мне: эх, Трисон, Трисон, и почему ты номер не умеешь набирать? Если бы я умел говорить, ответил: вам, Иван Савельевич, дай волю, так вы бы меня и за руль автомобиля усадили. Или еще покруче пошутил бы: а вы, Иван Савельевич, жалобу в мою школу напишите, что вам такую тупую собаку сосватали. Но вы же понимаете, что мы со стариком шутили. Мы никогда по-настоящему друг на друга не злились. Мы любили друг друга и все прощали.

Что-то я ударился в воспоминания. Бабушка во всем виновата. Видите, я даже ужинал вместе с Иваном Савельевичем, а она сомневается. «Чтобы не обидел. Зверь». Хотя что я тут разбубнился. Пожилая женщина, что с нее взять. Да и мало еще меня знает. Действительно, поживем – увидим. И я на вас посмотрю, Елизавета Максимовна, и вы – на меня. Хотя что мне на вас смотреть, мне за Сашкой нужно присматривать, а вы с мамой думайте что хотите...

Глава 4

Одно радует меня: теперь в нашей семье равновесие. В смысле две женщины и двое мужчин. Вовремя я сюда приехал. Они хоть и хорошие женщины, добрые, заботливые, но мне кажется, если бы не я, загрызли бы пацана. Ясное дело, жалко мальчишку. Слепых всегда жальче других. Беспомощные они, особенно дети. Некоторые взрослые даже на чужих слепых детей без слез не могут смотреть. Конечно, большинство окружающих рады помочь инвалиду. И спасибо им за это огромное. Но, как говорил Иван Савельевич, тут фокус в другом. Понимаете, в чем дело, – слепому человеку всегда хочется ощутить себя независимым от посторонней помощи. Seriously. И не из-за того, что инвалид такой неблагодарный. Нет. Просто эта беспрестанная опека иногда утомляет и даже гнетет. Хочется крикнуть на весь мир: смотрите, друзья, я спокойно обхожусь без вашей помощи, я не мешаю вам жить, снимите груз с плеч, займитесь своими делами!

И я их понимаю. Правильно кто-то сказал: глаза у них мертвые, да сердца живые.

Только вот одного не могу понять. Сегодня в России проживает триста тысяч инвалидов по зрению. А собак-поводырей всего одна тысяча. Иван Савельевич говорил, что у нас в стране получается одна собака на триста слепых. Это же непорядок. Это очень плохо. Есть такие страны, где одна собака-поводырь приходится на десять-двенадцать инвалидов. Вы понимаете, какая разница? Сколько ж это людей мучается без нашей помощи? Уму непостижимо.

А вы знаете, что учудили японцы? Смех и грех. Они решили обучать собак-поводырей в тюрьме. Seriously говорю. Теперь у щенков учителя – заключенные. Совсем с ума посходили. Как они до этого додумались? Нет, ну вы представьте, берут двухмесячного щенка и ни за что ни про что – бац его в тюрьму. Прямо издевательство какое-то. Бедные мои японские соплеменники. Целый год собачий ребенок живет вместе с заключенными. Правда, они там за ним ухаживают, кормят, в общем, не обижают. Потом, по достижении года, собаку начинают дрессировать опытный инструктор. Не знаю, может, я и зря возмущаюсь. Какая разница, где нам до года жить, в питомнике или тюрьме. Главное, чтобы условия были хорошими. Да и среди людей, наверное, повеселее. Заключенные – они ведь тоже люди. Нет, точно, зря я возмутился. Японцы – неглупые люди, знают, что делают.

Недавно с Сашкой отдыхали в парке. Женщины мне уже доверяют. Теперь мы вдвоем ходим в парк. А раньше ходили словно под конвоем. Я веду Саньку, а сзади мама или бабушка. Тоже мне помощницы. Маршрут-то очень легкий. Я быстро его запомнил. Можно сказать, это и не маршрут вовсе, так – легкая прогулка. Санька уже привык к трости. Вы знаете, первое время никак не могли его убедить ходить с этой тросточкой. Спротивлялся ужасно. Две штуки нарочно сломал. У детей почти у всех так.

– Зачем мне трость, – говорит, – если Тришка есть?

Глупый. Я-то не подведу – и остановлю вовремя, и отведу в сторонку. Но как же без трости-то? Трость слепому обязательно нужна. Дуга шлейки – это только мои предупреждения, сигналы. Но иногда ты сам должен исследовать препятствие.

– Саша, – строго отвечала мама, – ты проходил обучение в Тришкиной школе. Что тебе сказали? Трость необходима. Так вот и выполняй советы опытных учителей.

Права-права мама. Только вот со школой ты, мама, загнула. Никакая она не Тришкина. В общем, постепенно вопрос с тростью урегулировался. Сашка, как и Иван Савельевич, любит со мной поговорить. Только у нас с пацаном теперь темы другие. Он очень быстро освоил шрифт Брайля. Знаете, что это такое? Выпуклые точки на листке бумаги. Слепой читает пальцами. Сашка недавно прочитал, как этот самый шрифт изобрели. Жуть, как было интересно слушать. Вообще, я заметил, Шурик очень хороший рассказчик. Когда он расска-

зывает, я замираю и, вывалив язык, слушаю одним ухом. Да-да, одним, потому как второе в это время на работе.

Так вот, оказывается, еще французский король Луи IX, вернувшись в Париж после поражения в Крестовых походах, основал приют для слепых «Пятнадцать очков». Странное какое-то название. Но не в названии дело. Первыми постоянцами приюта были триста рыцарей, ослепленных во время походов. Так люди осознали, что слепым нужно помогать и создавать им условия для нормальной жизни.

Затем в 1771 году молодой человек по имени Валентин Хауи как-то посетил знаменитую парижскую ярмарку, где каждый год с 14 августа по 15 сентября уличные торговцы, кукольники, циркачи демонстрировали свое мастерство. Валентин подал одному слепому мальчику милостыню и очень был удивлен, когда тот сразу же назвал номинал монеты. Так молодой человек догадался, что слепые могут осваивать грамоту при помощи осязания. Хауи открывает школу для слепых, первым учеником которой становится нищий мальчик по имени Франсуа Лезюер. Валентин учит его читать при помощи рельефных деревянных букв, из которых складывались слова. Франсуа оказался очень талантливым учеником и уже через шесть месяцев научился осязать напечатанные страницы. Валентин Хауи представил своего ученика Королевской академии. Умение Франсуа ошеломило ученых, после чего и появился рельефно-линейный шрифт. Люди водили пальцами по выпуклым буквам и складывали их в слова. Это изобретение стало распространяться по всему миру. В 1806 году Хауи приезжает в Россию по приглашению Александра I. Француз основывает Петербургский институт слепых детей, где стали печататься специальные книги. Вот так в нашей стране появилась первая библиотека для слепых.

Последователи Хауи сделали очень много полезного для слепых. Но они ошибались, утверждая: «Что удобно для видящих, то удобно и для слепых». Стали появляться и другие шрифты. Англичанин Джеймс Гол придумал угловой выпуклый шрифт. Олстон из Эдинбурга предложил свой шрифт, основанный на латинском алфавите. Кстати, шрифт Олстона очень напоминает один из сегодняшних компьютерных шрифтов – Arial. Однако изобретательная мысль не стояла на месте, многие ученые и просто энтузиасты пытались усовершенствовать шрифт.

Будущий изобретатель современного шрифта Луи Брайль в детстве лишился зрения, случайно поранив глаз шорным ножом. В десять лет маленького Луи зачисляют в Парижскую школу для слепых, где обучение проводилось по системе Хауи. Книги были большими и дорогими, потому школа располагала всего лишь четырнадцатью такими книгами. Луи все их успешно проштудировал. Система Хауи показалась юному ученику несовершенной – чтобы прочувствовать каждую букву, требовалось несколько секунд. Чтение превращалось в тяжелое и мучительное занятие. Вот тогда-то Луи и понял, что необходимо искать способ, который позволит читать легко и, главное, быстро.

Изобретение Брайля имеет потрясающую предысторию. Если не возражаете, я продолжу Санькин рассказ. Во французской армии использовался очень даже самобытный буквенный код, придуманный артиллерийским офицером Шарлем Барбье для доставки ночных сообщений, которые нельзя было писать на обычной бумаге. Как их прочтешь ночью? Нужно зажигать свечу, хочешь не хочешь, а демаскируешься. Потому буквы в ночном сообщении представляли собой пробитые в картонке отверстия. Луи Брайль, овладев этим методом и убедившись, что и он еще далек от совершенства, в конце концов создал систему рельефно-точечного письма, которая позволяла быстро и надежно распознавать каждую букву.

Удивительно, но в 1829 году Совет института, которому Брайль предложил свою систему, отверг ее. А знаете, из-за чего? Только лишь потому, что разработанный шрифт был неудобен для зрячих преподавателей. Во дают! Нет чтобы думать об удобстве инвалидов, они думали о своих удобствах. Но Брайль оказался мужиком настойчивым и самостоятельно

внедряет свой шрифт. У слепых его система пользуется все большей и большей популярностью, и через восемь лет Совет снова возвращается к ее рассмотрению. В этот раз Брайль добился своего, получив поддержку от ученых мужей. И по сей день во всем мире считается, что разработанная Брайлем система письменности для слепых – наилучшая. В России первая книга по системе Брайля была издана в 1885 году. Кто не знает, в январе 2009 года исполнилось двести лет со дня рождения великого слепого изобретателя.

Догадайтесь, что есть у моего Сашки? Не поверите. Специальный дисплей, на котором в ряд расположены ячейки Брайля. Текст преобразуется в сигналы, некоторые стержни в ячейках выдвигаются, и мой подопечный шуршит пальцами. Читает-читает-читает... Потом вот рассказывает мне. Ну а я уже вам. Интересно? Мне тоже. Говорят, скоро буквы Брайля заставят «бежать» по монитору, тогда слепым будет еще удобнее читать. Хорошо, хоть современные ученые не слишком рьяно пекутся о своих удобствах.

Заслушался я так, что едва бдительность не потерял. А между тем к нам на лавочку подседа слепая женщина. У нее свой поводырь, вернее, если можно так выразиться, поводырьша. Зовут Марго. Ишь ты, тоже мне королева. Приятная такая собачка. Правда, не моей породы, какая-то лохматая, у нас таких в школе не было. Но красивая, бело-рыжая, остроногая, глаза яркие и блестящие. Гордая до ужаса. Видит же, что мы коллеги, а нос воротит, делает вид, что меня не замечает. Да черт с тобой. Подумаешь. Хотя, нужно отдать ей должное, профессионалка. Видимо, тоже школу прошла неплохую. Вы, наверное, думаете, как это он сразу в собаке профессионалку заметил. Все очень просто. Мимо нас прошла ватага пацанов, один присвистнул, другой причмокнул, какая-то девчонка даже остановилась напротив нас и давай гундосить: ах какие лапочки, какие миленькие. Погладить, правда, не решилась, но надоела до чертиков. Стоит, верещит и верещит. Так вот Марго даже ухом не повела. Сидит как вкопанная. Ни на свистульки, ни на чмоканья, ни на трель девчоночьего внимания не обращает.

Компания ушла. Следом за ней идет, видимо, супружеская пара. Под ручку, дама в какой-то не по годам легкомысленной шляпе, мужчина с тростью, но зрячий. Так, наверное, для форсу тросточку прихватил, даже не прихрамывает. На поводке у пары плетется французский бульдог. Ленивый толстячок-круглячок. Честно говоря, мне не очень нравится эта порода. Вот уж природа создала! Чудо-юдо какое-то. Если бы у меня была такая морда, утопился бы в первой же речке. Холеный, шерсть лоснится, идет вперевалочку, сразу видно: любит вкусно поесть да подольше поспать. Не понимаю, для чего люди заводят вот таких, с позволения сказать, собачек? Ну, вот скажите, какой от него прок? Вы видели французского бульдога? Никакой пользы. Только одни заботы да расходы. Вы посмотрите, у него же один ошейник стоит больше, чем у моего Сашки брайлевский монитор. Бульдожик, поравнявшись с нами, натянул хозяйский поводок. Он, дурак, наверное, и не знает, что это означает на нашем с Марго языке. Хотя, к моему удивлению, парочка остановилась. Мы тоже так своих подопечных иногда останавливаем. Бывает, знаете, нужда припрет. Но тут остановка случилась совершенно по другому поводу. Этот прохиндей вытаращил свои и без того выпученные глаза и смотрит на нас подозрительно, то на меня, то на Марго. Мы, как и положено, делаем вид, что его не видим и что нам с ним не по пути. Тут дама в шляпе говорит:

– Пузик, ты чего встал? Познакомиться хочешь?

Нет, вы слышали? У этого собачьего поросенка и кличка соответствующая. Пузик. С ума можно сойти. И как не стыдно с таким име... с такой кличкой по улице ходить? Действительно, пузик. «Познакомиться». Делать мне нечего, с вашим Пузиком знакомиться. Идите уже своей дорогой. Не мешайте. Видите, люди отдыхают. Люди отдыхают, а мы тут на работе. Двигай-двигай, Пузик, мысленно говорю я ему, здесь ты товарищей не найдешь. Он, словно услышав мои мысли, что-то тьякнул невнятное и побежал дальше, виляя своей толстой задницей.

Марго и в этом случае вела себя очень достойно. Молодец. Настоящий поводырь. Извини, что вначале обозвал тебя поводыршей. Но, по правде говоря, я все равно недолюбливаю собак-женщин. А все из-за того, что кто-то распространяет о нас, мужчинах, гнусную ложь, дескать, поводырь девчонка лучше, чем кобель. Это клевета! Не верьте! Это ж надо такое придумать. Мол, девочки более ласковы и послушны, а мы отвлекаемся на течных... Тьфу! Язык не поворачивается говорить об этом. Я отвлекаюсь? Я не ласковый и не послушный? Ну, зачем возводить такую напраслину? Сочиняют всякую ерунду. Все эти мерзости я собственными ушами слышал. Приехала к нам одна парочка, кому-то собаку выбирали. Ходят мимо вольеров, а дамочка стрекочет:

– Только кобельков нам не предлагайте, нам – девочку.

– Почему? – спрашивает наш инструктор дядя Миша.

– Мне сказали, что девочки более покладисты и ласковы...

А мы слушаем этот бред и недоумеваем. Кто тебе сказал? Вот глупая женщина. Возомнила себя кинологом. Так что, друзья, послушайте меня. Если вам понадобится поводырь (не дай бог, конечно), выбирайте мужчину. Мы не только послушные и ласковые, но еще и ловкие и сильные. А это в нашей работе, между прочим, имеет большое значение. Ну, если уж не будет возможности выбора, тогда ничего не поделаешь – берите даму.

Сашка, устав сидеть на скамейке, приподнялся. Я тут же стал рядом с ним, подставляю дужку шлейки ему под руку.

– Триша, идем домой, – сказал он.

Я еще раз мельком взглянул на соседку. Слегка кивнул ей на прощание (хотя зря я это сделал). Мне показалось, что она ответила. Видимо, поняла, что я тоже профессионал своего дела.

Через двадцать минут мы с Санькой были уже дома. Нас обоих ждал вкуснейший обед. В хорошую семью я попал. Нравится мне здесь, но по Ивану Савельевичу все равно скучаю.

Глава 5

Мы с Сашкой договорились: когда он мне задает вопрос, а я на него отвечаю «да», то я говорю: «Ав!», если ответ мой отрицательный, то я отвечаю: «У-у!» Молодец Саня! Несмотря на то что ему всего лишь тринадцать лет, он очень сообразительный парень. Да, я не оговорился. Какой он мальчик? Видели бы вы его. Бабулька ему по плечо. Как-то и неудобно уже мальчиком называть. Настоящий парень. И что мне нравится, такой умный. Правда, слишком шустрый. Работы у меня, по правде говоря, прибавилось.

В этом смысле с Иваном Савельевичем было попроще. Он был тихоходом. Идет себе, песенку напевает. У него была любимая песня про танкистов. Честное слово, мог весь вечер одну песню петь. Как затянет «Три танкиста, три веселых друга – экипаж машины боевой». Иногда так надоест своей песней, что я даже вынужден был его приостанавливать. Слушаю, слушаю, слушаю, потом тихонько говорю: «Ав-ав!» Иван Савельевич, как и я, сразу же реагирует на любой возглас. Ничего удивительного в этом нет. Мы же с ним одно целое. Как у людей говорится? Не разлей вода. Вот так и мы. Скажет что-нибудь Иван Савельевич, я тут же: «Слушаю тебя, мой друг!» Ежели я что авкну, Иван Савельевич тоже спрашивает у меня: «Что, Трисон, случилось?»

А ничего не случилось. Песня твоя просто надоела. Хоть бы сменил пластинку. Спел бы, к примеру, о березе (иногда поет, но редко) или «Катюшу», на крайний случай мог бы и про белых медведей спеть, которые трутся о земную ось. Старик рассказывал, что эта песня из картины... Кстати, он почему-то кино называл всегда картиной. Не фильмом, не кино, а именно картиной. Так вот, иногда он пел песню из картины «Кавказская пленница». «Где-то на белом свете, там, где всегда мороз, трутся об ось медведи, о земную о-о-ось...» Ну и так далее. Замечательная песня. Но пел он ее редко. В основном заливался своими танкистами. Я раньше думал, что это он заладил, танкисты да танкисты. Все-таки очень сложно нам, собакам, когда не можешь спросить. Иногда так бы взял и спросил прямо. Но он, почуяв мое любопытство, сам рассказал мне как-то на прогулке. Что оказалось? Он в армии служил танкистом. И, между прочим, не просто танкистом, он был командиром танка. Вот так-то! После его рассказа об армии я стал более терпимо относиться к его любимой песне. Думаю, пусть вспоминает молодость, своих друзей, все старику будет полегче.

Мне вот интересно: если бы в школе нас учили разговаривать, смог бы я хотя бы с десяток слов выучить? Мне больше и не надо. Я бы и с десятью словами прекрасно управлялся. А зачем мне больше? Долго думал на эту тему и пришел к выводу. Было бы просто замечательно, если бы нас в школе научили произносить вот такие слова:

Гулять
Стой
Иди
Надоело
Помогите
Еда
Холодно
Жарко
Спать
Простите

Мне кажется, даже любой человек этими словами может обойтись. Ну, допустим, за человека ручаться не стану, но мне бы хватило за глаза. Не знаю, почему инструкторы никак не додумаются учить нас хотя бы вот этим словам. Я же много не прошу. Но никто нас не учит. И даже не пытаются. Вы попробуйте, вдруг получится. Я и сам уже пытался, но не

получается. И губы сверну в трубочку, и язык чуть ли не в узел завяжу, клацаю зубами, ничего не выходит. Хочу сказать слово, а получается или «Ав», или «У-у». Все. Чертовщина какая-то. Верите, так обидно.

У Савельевича одно время жил попугай. Он его приобрел еще до меня. Когда я переехал жить к старику в квартиру, перво-наперво меня поразило то, что этот убогий микрорел знал, наверное, с сотню человеческих слов. Он мог безостановочно болтать полчаса подряд. Я серьезно вам говорю. И такие знал слова, что я их отродясь даже в своем питомнике не слышал. Помню, в первый же день этот проходимец (имя у него препротивное было – Керя) сразил меня наповал. Приходим с Иваном Савельевичем с прогулки, а этот карлик заявляет: «Керя кушать хочет!» Ничего себе думаю, ну и дела. А каков наглец! Если ему в клетку горсть зерна не забросишь, так и будет трещать, пока со своего насеста не свалится: «Керя кушать хочет! Керя кушать хочет! Керя кушать хочет!» Право слово, попугай.

Однажды вечером мы смотрели телевизор, вернее, я смотрел, а Савельевич слушал. Но Савельевич всегда говорил мне: пошли, Трисон, телевизор посмотрим, то есть во множественном числе. Сидим спокойно, слушаем-смотрим, эта придурковатая птица как раскудахталась, как начала нам свои трели выводить, мы со стариком чуть с ума не сошли. Тут самое интересное началось, а этот соловей-разбойник кудахчет и кудахчет. Иван Савельевич не выдержал, взял и укрыл клетку полотенцем. Подействовало. Видимо, испугался Керюха. Подумал, наверное, сначала темную устроили, а дальше может быть и хуже. Перестал, гад, кукарекать.

Но я все равно его не любил. Потому что, даже когда попугай молчит, проблем от него не убавляется. Это не птица, а какая-то свинья. Все вокруг в шелухе, в перьях. Как затрепещет своими крыльями, квартира в один миг превращается в курятник. К Ивану Савельевичу два-три раза в неделю приходила старушка, Марья Петровна, готовила поесть, стирала, убиралась по дому. Так вот она тоже его ругала. Говорит: «Керя, как тебе не стыдно! Ну что же ты снова наделал?» А ему хоть бы хны. Он свое: «Попка дурак! Попка дурак!» Я так понимаю, это он про себя так говорил. Кстати, денег Марья Петровна за свою работу никогда не брала. Иван Савельевич даже обижался. Говорит ей как-то:

– Марья Петровна, дорогая, ну, ради Христа прошу тебя, не ставь меня в неловкое положение, хоть немного возьми денег. Купи себе подарок, что ли. Ну что ж ты работаешь, работаешь, и все бесплатно.

А старушка смеется и отвечает:

– На том свете, Ваня, сочтемся.

– Да стыдно же, Мариша, – говорит старик. – Пойми меня правильно.

– А ты не стыдись, – продолжает Марья Петровна, – я это не для тебя делаю, а для себя.

Неловко мне сознаваться, но я, грешным делом, после ее слов стал к ней более внимательно приглядываться. Как это «для себя»? Думаю, может, стащить чего хочет? Ходит, принохивается. Нам еще в школе объясняли, что слепых часто обворовывают. То бишь делают вид, что помогают, а сами то награды украдут, то пенсию подчистят, то картину со стены снимут, то книгу редкую упрут. Наверное, думают, зачем слепому картины, книги? Так что мы за подозрительными людьми тоже должны следить.

Но со временем я понял, что Марья Петровна не из тех людей, кто может обидеть несчастного человека. По телевизору шла передача, и я узнал, что на свете есть такие люди, которые помогают инвалидам совершенно бескорыстно. Они это делают не ради денег, не для больного и даже не для себя вовсе, они, оказывается, богу помогают. Да-да, так и говорят: хочешь помочь богу, помоги несчастному, больному, обездоленному. Вот какие люди есть! Если бы меня научили в школе, сказал бы я Марье Петровне слово № 10, «прости». Прости меня, милая старушка, что мне в мою собачью голову пришла такая дурацкая мысль.

Так Марья Петровна до самой смерти Ивана Савельевича к нам и проходила. А на праздники или дни рождения они пропускали по стопочке, а то и по две. Потом сядут, обнимутся и поют весь вечер. Марья Петровна такие песни задушевные пела, любо-дорого было послушать, не то что эти танкисты. Особенно мне нравилась «Ты жива еще, моя старушка? Жив и я, привет тебе, привет!». Попоют-попоют, потом сидят вместе плачут. Наверное, чувствовал Иван Савельевич, что скоро умрет. Он мне так и говорил: «Скоро, Трисон, ты отдохнешь от меня, мой час приближается». Чудак-человек, да я и не уставал никогда от него. Знал бы ты, Савельевич, как я первое время тосковал по тебе, не говорил бы таких глупостей.

Глава 6

Иван Савельевич частенько любил повторять одну неперевариваемую моими собачьими мозгами поговорку. Так и говорил:

– От сумы и тюрьмы, Трисон, никогда не зарекайся.

Нет, с тюрьмой более-менее ясно. Чем мой вольер от камеры отличался? А вот что за сума, я никак не мог сообразить. Но пришлось. В конце концов познакомился я и с сумой.

Беда случилась – украли меня. Но давайте все по порядку. Собрались мы в пятницу сходить в супермаркет. Пошли втроем – я, Сашка и Елизавета Максимовна. Не знаю, что это Шурику в голову взбрело: идти в этот проклятый магазин. Но уперся с утра, хоть тресни. Прямо умоляет:

– Бабушка, миленькая, пожалуйста, возьми нас с Тришкой в супермаркет. Я просто похожу по залу, вспомню, как мы там с ребятами гуляли. Игрушки потрогаю, баночки всякие, возьми, бабуль...

Нашел где гулять. Иван Савельевич эти супермаркеты стороной обходил. Да и что хорошего в этом супермаркете? Одни полки, прилавки, витрины, народу, как селедки в бочке. Правда, есть один приятный уголок (мы все-таки пару раз заходили), там всякие собачьи лакомства лежат. И большие пакеты, и маленькие, еда и в банках, и в кульках. Витамины всякие. Ошейники висят, цепочки, но это для лентяев, конечно, типа того неуклюжего бульдожика, что со мной и Марго хотел познакомиться. Нам такие цепи и даром не нужны. У нас своя амуниция, специальная, мощная, добротная.

В общем, как я понял, Сашка решил свою зрячую жизнь вспомнить. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. А тут еще вдобавок дитя и слепое. Как откажешь? На входе в магазин перед нами вырос красномордый охранник, чем-то похожий на аптекаршу-прибор, которая махала (помните?) несуществующей инструкцией. Охранник такой же твердолобый оказался.

– Извините, – говорит, – с собакой нельзя!

– Это поводыр, – поясняет Елизавета Максимовна. – С этой собакой можно.

– Ничего не знаю, – набычился охранник, – поводыр, не поводыр, с собакой нельзя.

– Да что ж это такое! – возмущается наша бабулька. – Закон, что ли, для вас не писан?

– Мне ваши законы не нужны, – отвечает охранник, – у меня есть инструкция от руководства. Все.

Я вот не пойму. Люди, вы без инструкций вообще жить не можете?

– Миленький, – Елизавета Максимовна, видимо, пытается разжалобить этого тяжелоатлета, – да пойми же ты. Мальчик ничего не видит. Собака – это его глаза. Понимаешь?

Эх, Елизавета Максимовна, внимательно посмотри на эту рожу. Разве он что-то может понять?

– Мать, – говорит охранник, – ты хочешь, чтобы меня с работы уволили?

– Не хочу, милый, но...

– Все, – охранник выставил вперед ладонь, – не уговаривайте. Вон столбик, привяжите свои глаза к нему, а я присмотрю за вашей собакой.

Сам-то хоть понял, что сказал, дубина? Свои глаза привяжи. Это ж надо такое ляпнуть. «Привяжите свои глаза». Ни сесть, ни встать.

– Как вам не стыдно! – вспылила Елизавета Максимовна.

– А вы кто мальчику доводитеесь? – пропустив мимо ушей возглас отчаяния, спрашивает охранник.

– Это мой внук, – гордо отвечает старушка.

– Ну, так сами и проводите пацана. Чего вы меня тут стыдите?

Бабушка, поняв, что говорить дальше бесполезно, подвела нас с Сашкой к этому трелятому столбику и стала привязывать меня.

– Прости, Триша, прости нас, родненький. Ну, ты видишь, что творится...

Да я и не обижаюсь, бабуля, все понимаю. Идите вы уже в свой магазин да возвращайтесь поскорее, а то я тут на солнце в курочку гриль превращусь.

Смотритель нашелся. Как только Елизавета Максимовна с Шуриком исчезли в пасти этого супермаркета, охранник тут же куда-то пропал. Сижу, жмурюсь на солнышке. Припекает. И тут, взвизгнув тормозами, напротив меня останавливается синяя «пятерка». Из автомобиля выходят два бугая и приближаются ко мне. Один, озираясь по сторонам, говорит другому:

– Братан, ты знаешь, сколько такая собака стоит?

Негодяй, думаю я, такие собаки не продаются.

– А что это у нее за красный крест? – спрашивает второй и показывает пальцем на мою эмблему.

– Так это же поводырь, для слепых, ученая собака, – отвечает первый. – Прикинь, скока на ней баблоса можно рубануть. Ну-ка, открывай багажник.

Второй рванул к машине, а первый вынул нож, перерезал мой поводок и схватил меня в охапку. Я и охнуть не успел, как над моей головой захлопнулась крышка багажника. Сволочи! Что же вы делаете? Там же Сашка мой остался. Люди вы или крысы помойные? «Пятерка» рыкнула и рванула с места. Не знаю, куда меня везут, только чувствую, что не по асфальту едем. Эх, ну почему меня не учили в школе агрессии? Схватить бы тебя, ворюга несчастный, за горло, был бы тебе и багажник, и баблос. Только нам запрещено людей кусать. Понимаете? Гавкнуть можно, а укусить нельзя. Лежу, вою от досады. Пару раз гавкнул, а что толку-то. Под ухом колонка: бум-бум-бум! Даже музыка у них какая-то идиотская.

Через полчаса остановились. Я прислушался. Слышу обрывки фраз: ДПС, сержант, удостоверение... Ага, думаю, попались, голубчики! Я давай во все горло гавкать. Слышу, сержант говорит:

– У вас там что, собака в багажнике? А ну-ка откройте.

Спасение, думаю. Наконец-то!

– Командир, да я ее в ветеринарку возил, приболела что-то. – Во врет, сволочь. – Ну ее к бесам, еще выскочит, будем потом ловить.

– Приоткрой, я взгляну, – требует милиционер.

Вор приоткрыл, инспектор смотрит на меня через щелочку, я скулю, гавкаю, брыкаюсь, пытаюсь привстать, головой в крышку уперся. Присмотрись, товарищ милиционер, у меня поводок обрезан, присмотрись: шлейка есть, эмблема. Ну, посмотри внимательно! Это же ворюги! Воры! Эх, как бы я сейчас крикнул слово № 5 «помогите»!!! Но тут мой гроб снова захлопнулся.

– А зачем вы ее в багажник засунули? – спрашивает милиционер.

– Ну а куда ее? – смеется ворюга. – Нагадит еще, весь салон провоняется.

Скотина ты безмозглая, да я полсуток выдерживаю без выгула. Нас и этому в школе учат.

– А-а-а, – отвечает инспектор. – Ну, ладно, счастливого пути.

Вот она – собачья жизнь. Небось человека в багажнике увидел бы, поднял на ноги всю милицию. А тут, дескать, какая-то собака лежит. Эх, люди, люди. Одни в магазин не пустили, другие похитили, третьи проворонили. Четвертые, чего доброго, и пришибить могут. Нет, думаю, раз о деньгах заговорили, не прикончат. Это уже лучше. Куда же они меня везут?

Минут через двадцать остановились. Слышу, дверь какая-то скрипнула. Открывается багажник, и я вижу какой-то сарай. Эти сволочи подбежали так, что мне пришлось прямо в этот сарай и прыгать. Как только я оказался на земле, машина отъехала, а дверь тут же

захлопнулась. Под потолком маленькое оконце. Лучик освещает противоположный угол. Вокруг какие-то бочки, ведра, банки из-под краски, тряпье всякое. В общем, вольерчик не из приятных. Таких, наверное, и в японской тюрьме не сыщешь. Похитители стоят под дверью и беседуют. Они и не догадываются, что я все понимаю.

– Куда ее теперь? – спрашивает один.

– Нужно объявление дать, – говорит второй. – В газету. «Продается лабрадор, кобель, дрессированный, недорого». Сразу клюнут.

– А откуда ты знаешь, что он дрессированный?

– Ты че, дурак, что ли? – рассмеялся бандит. – Это же поводырь. Они все команды понимают.

– Нужно, чтобы немного пожил здесь, на даче, пусть обвыкнется. Как ты его сейчас продавать будешь?

– Ну, пока объявление выйдет, прикормим.

Э-э, ребята, не знаете вы меня. Я своих подопечных до гробовой доски не забуду. Так что не питайте иллюзий. Ничего у вас не выйдет. Даже если продадите, я все равно убегу. А покупатель потом придет и настучит вам по кумполу, как говорил Иван Савельевич. Будет вам потом баблос.

– Слушай, так у нас же ни документов на нее нет, ни родословной, – говорит один.

– Так потому и напишем, что недорого, – отвечает второй. – Скажем, что хозяин умер, так, мол, и так.

– Опасно! – говорит первый. – Ее нужно в другом городе продавать, вернее, даже в другой области.

– Да не гони, – отвечает второй. – Какая другая область, пока продадим, больше бензина прокатаем. Все будет пучком, не сомневайся...

Ушли мои супостаты.

Так, нужно обследовать эту вонючую конуру. Скоты, хоть бы воды оставили. Засунули в каземат, а о том, что мне вода нужна, не подумали. Да что вода, они даже шлейку не сняли. Сволочи! Миротлюбивый я пес, доброжелательный, ласковый, но как же я ненавижу некоторых людей. Вы уж меня извините, пожалуйста. Хотя разве это люди? Уверен, вы и сами их людьми не назовете. Какие это люди? Шавки... обыкновенные бездушные шавки.

Глава 7

Итак, у нас появилась надежда. Вот как тут не вспомнишь моего доброго старика. Надежда, говорил Иван Савельевич, умирает всегда последней. А раз есть надежда, вперед, потомок викингов и басков! Дело в том, что пол в этом «супермаркете» (ну, вы, надеюсь, понимаете, почему я назвал свою тюрьму таким отвратительным словом?) земляной. Если вы не знаете, скажу: лабрадор за ночь может вырыть яму метровой глубины. И то, если ему делать нечего. Но мне сейчас не до безделья. Нужно любыми путями вырваться из этого плена. Я за себя не ручаюсь, если утром сюда пожалуют проходимцы, брошусь на них и буду сражаться, как леопард.

Но все-таки для начала необходимо принять меры предосторожности. Так, что это у нас тут? Тряпья полно. Замечательно. Просто замечательно. Если почую, что враги на подступе, будет чем прикрыть подкоп. Стаскиваем все сюда, в угол. Прекрасно. Это что такое? Понюхаем. О! Какое везение. А я чуть было снова Ивана Савельевича не вспомнил, который говорил: «Пришла беда – отвори ворота». Крыша прохудилась в моей келье, и дождик накапал едва ли не полтаза воды. Живем! Был бы человеком, потер руками. Вот как только пить эту мутную гадость? Фр-р! А куда денешься? Без воды никак нельзя. Вода – это жизнь и сила. С едой потерпим, а вот без воды можно и язык вывалить.

Вспомнил вдруг, как Сашка недавно мне читал стихи:

Сижу за решеткой
В темнице сырой...

Там, правда, про птицу какую-то было, но насчет сырости и темноты Сашка попал в точку. Ну что? Приступаем?

Первый час я работал не покладая лап. Без отдыха, без остановок. Потом десять минут перерыва, десять лаканий природного коктейля, и снова за работу. Мои подлые «кинологи» куда-то пропали. В тот вечер так и не появились. Оно и к лучшему, не придется негодьям в травмпункт бежать, хотя хотелось бы, конечно, их проучить. Рою-рою-рою, а сам того самозванца-«смотрителя» из супермаркета вспоминаю: если бы не твоя упертость, лежал бы я сейчас на мягком коврике да смотрел на своего мальчонку. «Я присмотрю за вашей собакой». Присмотрел, называется. И, поди, совесть не гложет твое каменное сердце. Охранник. Какой ты охранник? Надзиратель, вот ты кто...

Как там мои бедняги поживают? Наверное, все в слезах, особенно Шурка. Жалко парнишку. Мы уже привыкли друг к дружке, стали понимать друг друга. А тут такое несчастье. Не плачь, Санек, не тужи. Все равно я выберусь из этого подземелья.

Так, надо немного передохнуть. Отхожу в сторону, смотрю на свою археологию, действительно: уже походит на маленькое подземелье. Но еще рыть да рыть. Не расслабляйся, лабрадор, ты должен до утра покинуть этот застенок. Подкрепились водичкой – и рыть-рыть-рыть.

За работой я даже не заметил, как в окошке под потолком появилась звезда, за ней другая. Небо ясное, на улице тепло. Люблю я ночь. Ночью все собаки, даже поводыри, в основном отдыхают, нежатся на диванчиках, сны разглядывают. Вы удивляетесь? Я серьезно вам говорю: нам тоже снятся сны. Да еще какие! Насмотрюсь с Иваном Савельевичем картин (кинокартин, если забыли), потом всю ночь снится мне, что я, не обращая внимания на взрывы и свист пуль, несусь сквозь дымовую завесу по полю, подбегаю к раненому бойцу и тащу его к своим. Однажды приснилось, как будто я из-под снега лыжника спас. Все меня глядят, курочкой угощают, репортеры набежали, фотографируют, один даже микрофоном в

нос тычет. А мне так неприятно стало, микрофон-то отвратительный – холодный и шершавый. Разозлился я, да как рявкну и... проснулся. Иван Савельевич мой чуть с кровати не свалился.

– Трисон, что случилось? – спрашивает. Я молчу. Он подозвал меня к себе и говорит: – Приснилось что-то. – Догадливый старик.

Я скульнул пару раз, Иван Савельевич и говорит:

– Иди ко мне, мой дорогой, ложись рядом. Не бойся, дружок, сны – они всякие бывают. Мне тоже иногда такая дребедень приснится, хоть стой, хоть падай. Тоже иногда кричу во сне.

Ага, думаю, будешь ты мне рассказывать. А то я не знаю. «Иногда». Да я чуть ли не каждую ночь слушаю окончания твоих снов. Однажды как-то ночью как закричит: «Огонь!» Я вскакиваю, носом вожу по сторонам – думал, может, пожар начался, – принялся, вроде все в порядке. Оказалось, Савельевичу армия снилась. Он мне рассказывал потом на прогулке. Говорит, представляешь, Трисон, я сегодня во сне на своем танке в учениях участвовал. Однополчан своих видел, командира батальона. Вот как живых. Все молодые, бравые, подтянутые. У военных людей, судя по рассказам старика, как и у нас: учения всякие, команды, дрессировки, тесты, экзамены.

Фух. Нужно передохнуть. Если темпов не сбавлю, через два-три часа будем на свободе. Но, правда, устал. Если бы я был без шлейки, работать было бы легче в разы. Но снять ее самому мне не удалось. Что поделаешь, все равно нужно трудиться до седьмого пота. Я хоть и породистая, тренированная собака, но ям давно уже не рыл. Нас в школе за ямы ругали. А так хотелось иногда порыть ямку, так лапы чесались. Мы когда с Иваном Савельевичем на рыбалку ходили (да, я же обещал вам рассказать этот случай), я там, в лесу, отыгрался. Таковую ямищу вырыл, любо-дорого было посмотреть. Старик потрепал меня и говорит:

– Дурак ты, Трисон, делать тебе нечего, ямы роешь. Лучше бы побегал по лесу.

А то я не набегался. Целый день только и бегаю. Ну, не бегаю, так хожу. А вот ямку у нас в микрорайоне не пороешь. Сразу народ сбегится, начнут руками махать, мол, что это вы тут газоны портите? Впрочем, они правы. Нельзя там ямы рыть. Вдруг какой малой свалится. Правильно все говорят.

Так вот. Приходим на рыбалку. Иван Савельевич раскладывает свой стульчик, нанизывает червя, да так ловко, если бы я не знал, что он слепой, и не догадался бы. Забрасывает удочку, а мне говорит:

– Смотри, Трисон, если поплавок задергается, гавкни мне.

Ну, сижу я пять минут, десять, пятнадцать, уже в глазах рябить стало, вдруг смотрю, поплавок запрыгал, я и говорю: «Гав!» Савельевич дергает удочку, проверяет – пустая. Недовольно бубнит на меня:

– Зачем ты так громко рявкаешь? Всю рыбу распугал.

Вот тебе раз, думаю, сам же сказал: гавкни. Если нужно потихонечку, то это называется «авкнуть». Выражайся правильно. Рыбак нашелся. Обиделся я немного.

Но через полчаса мы помирились. У меня была царская трапеза. Старик таким окуньком меня угостил, вовек не забуду. Прямо растаял у меня во рту. Ой, вкуснятина какая. Что-то я о еде стал много думать. Нужно водичкой горло промочить. Выпил, полегчало. Обследовал яму. Еще работы на часок. Лишь бы сил хватило. Не свалиться бы, не уснуть. А то утром придут хватчики, бейся тут с ними.

Рою-рою-рою... Смотрю, в окно медленно всплывает белая птица. Красивая, просто ужас. Это еще что за чудо, думаю. Птица на землю не спускается, сидит под потолком. Наверное, боится, чтобы я случайно ею не поужинал. Потом вдруг как заговорит человеческим голосом:

– О, тибетский царь Трисон, я прилетела тебе на помощь.

– Кто ты? – вдруг и я заговорил по-человечьи. Ничего себе, думаю. Что же это случилось такое, что я вдруг разговаривать начал. Прямо волшебство какое-то.

А птица продолжает:

– Я прилетела к тебе из-за трех морей, трех гор, трех лесов...

– Погоди-погоди, – перебил я. – Ты мне тут голову не морочь, я видел такой мультик. Да-да, забыл, как называется, но точно, ты же из мультика. Говори, что тебе нужно? Тебя, случаем, не воры подослали?

Зря так сказал. Обиделась птица и поплыла обратно к окну.

– Стой, – говорю. – Ты куда? Объясни, зачем прилетала?

– Я с грубиянами не разговариваю, – отвечает птица-разведчик.

– Слово номер десять, – говорю.

Птица остановилась и замерла прямо в воздухе.

– Это еще что за слово такое? – удивилась она.

– То есть прости, – отвечаю. – Просто я устал, наверное, вот и хамлю.

– Ладно, – говорит птица, – тогда помогу тебе.

– Как? – удивился я.

– А вот так, – отвечает птица и камнем прямо на меня. Да как клюнет меня в нос, я как подскочу. Открываю глаза. Никого нет, а в оконце уже рассвет пробирается.

Елки-палки! Все-таки уснул. Ой, спасибо тебе, птица! Мне тут работы еще минут на двадцать. Вот видели? А вы не верили, что нам сны снятся. Если бы не сон, так бы и дрых тут до утра, пока торгаши меня не накрыли бы тепленьким.

Рою-рою-рою... Ура!!! Есть просвет! Ну, еще немного, чуточку. Давай, давай, Трисончик! Ну, еще поднажми немного. Ах, если бы не дуга шлейки, я бы уже мог быть на свободе. Еще чуть-чуть, и голова пролезет. Только ты не торопись, землекоп. А то еще застрянешь, как Винни-Пух в кроличьей норе. Давай, Трисон. Вот еще капельку. Ну! Все, кажется. Стой, хлебни на дорожку. Еще неизвестно, сколько бежать придется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.